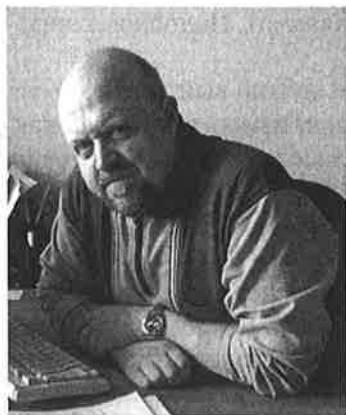

ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ ДОНСКИХ

Заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления.
Доктор философских наук, профессор.
Постоянный автор альманаха.
E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРИРОДЫ ИЛИ ПРИРОДА КАК МЕТАФОРА ИСТОРИИ?

Есть строки, которые продиктованы из «темной тучи вдохновения»¹. Их нельзя придумать, сочинить. Они даются только гениальным поэтам, как некоторые формулы гениальным ученым. Но когда их осознаешь, весь мир открывается совершенно по-другому.

Вот, например, Ф.И.Тютчев в «От жизни той, что бушевала здесь»:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы ступно сознаем
Себя самих – лишь грезю природы².*

Надо стать на позицию Бога, чтобы увидеть себя «грезю природы». Ее большим воображением. Большим, потому что мы слишком несовершенны и единственное наше достоинство – осознание собственного несовершенства. Позиция Бога означает выход в бесконечномерное пространство. Сравним с другим стихотворением, которое можно рассматривать как предшествующий этап рефлексивного представления мира. Возьмем стихотворение «Летний вечер»:

*И сладкий трепет, как струя
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды³.*

Это замечательно, здесь природа осознается как человеческое тело, и чувства этого тела со-переживаются человеком. Здесь сим-патия, со-чувствие, со-переживание. Человек воспринимает природу (здесь «природа» – окружающий его видимый мир) как существо, подобное ему самому, и со-чувствует ей, приписывая ей собственные эмоции. А для этого ему нужно осознать природу как выражение определенного «Я», потому что отношение со-чувствия может сложиться только

¹ Выражение из «Иоанна Дамаскина» А.К.Толстого.

² Тютчев Ф.И. Лирика. М., 1965. Т.1. С.225.

³ Там же. С.16.

между личностями. Нельзя сочувствовать камню. Таким образом, здесь оказываются три Я, первое – Я-поэта, которое равно второму – Я-природы, и третье Я-поэта, которое стоит над названными двумя, собственно и делая их равными. Подобное олицетворение в поэзии хорошо известно.

А вот для того, чтобы осознать себя «грезой природы», нужно выйти в какое-то надчеловеческое пространство и начать мыслить еще в одном измерении. Здесь, как минимум, четверная рефлексия, которая включает: 1) мысль человека, которая включает в себя 2) мысль о мыслящей (подобно человеку) природе, которая 3) мыслит человека (грезит человеком), который возвращается к 4) себе, мыслящему природу и одновременно всю цепочку. И та игра, которая заключена в этом отношении, оказывается безостановочной, потому что конца этой цепочке нет. Дополнительное измерение делает цепочку бесконечной. В свою очередь, эта безостановочность выводит человека на уровень Творца, поскольку заставляет его самого формировать то пространство и, соответственно, ту реальность, в которой он дальше существует. Это может быть понято как вариант фиктеанства и здесь есть свои аргументы в пользу такого понимания, хотя существуют и важные отличия (но это отдельная тема, которой я не буду касаться в статье).

Итак, Я не только начинает осмысливать-творить природу, но творить ее именно как историю. Этот аспект я и буду дальше анализировать. Это происходит в несколько этапов.

Первый этап – это сознание связи природы и истории, которая разворачивается в природе. Начнем с самого простого: человек оказался в том месте, где происходили определенные исторические события.

*В стране, любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими берегами
Играет ясными струями;
Там, где Албертова рука
Лишила княжеского права
Неосторожного Всеслава;
Где после Грозный Иоанн,
Пылая мстью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неумолимо, беспощадно...⁴*

Это пишет Н.М.Языков в «Але. Ливонской повести». Но уже в этом стихотворении появляется намек на мотив, который у некоторых поэтов приобретает особое значение: смешение естественного и исторического времени. Природа, конечно же, длится много дольше, чем история, и соединяясь, склеиваясь с ней, история получает смысл вечного. Правда, этот смысл так и остается тайной природы:

*Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, –
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчанье хранит⁵.*

Но в любом случае это уже *второй этап*: история остается (становится) одним из измерений природы, в рамках которой она произошла. Они оказываются соразмерными.

⁴ Языков Н.М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М., 1959. С.55.

⁵ Тютчев Ф.И. ... С.37.

Третий этап: ставшая вечной, история способна иногда проявляться, манифестировать себя.

Возьмем, например, стихотворение В.С.Соловьева «Лунная ночь в Шотландии».

...
*Проникает до самой души
Лунный холод, что льется вокруг...
Что же это в недвижной тиши
Всколыхнулось и грянуло вдруг?
Голоса из невидимых стран,
Диких звуков неслыханный ряд
Воеет рог и гремит барабан,
И неистово флейты визжат.
Одинокая ель ожила
И навстречу ветвями шумит
Ожила и немая скала,
В тайном трепете мшистый гранит⁶.*

Природа пропитывается историей, и горы у Соловьева издают приветственный клич вождю на газельском языке (в «Песне горцев»). В стихотворении «Сайма» озеру «Снятся былые века первобытные...»⁷. Живая природа, живое озеро, которому снятся сны.

Та же тема немного в другом аспекте у А.С.Хомякова в стихотворении «Сон»:

*Века прошли, и племена другие
Покрыли край, где прах певца лежал;
Но не замолкли струны золотые,
И сладкий глас по-прежнему звучал.
Я видел сон, как будто я певец,
И что певец пречудное явление,
И что в певце на все свое творенье
Всевышний положил венец⁸.*

Эта история может являть себя поэту, когда он в тех состояниях, что делают его более чутким к иным планам бытия. В первую очередь речь идет о сне. И тогда история может не просто оживать благодаря обращению к ней ныне живущего поэта, но может и давать ему возможность новой жизни:

Так, ранний Лермонтов в стихотворении «Гроб Оссиана», обращаясь к могиле усопшего поэта, говорит:

*Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять⁹.*

⁶ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С.725.

⁷ Там же. С.730.

⁸ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С.84.

⁹ В данном случае, конечно, неважно, идет ли речь о вымышленном герое (авторе) или о реально существовавшем, ведь в рамках того сознания, о котором идет речь, природа является частью культуры, а не наоборот, и вымысел, поскольку он прозвучал и стал частью человеческой жизни, не менее реален, чем то природное окружение, где мыслил его автор.

Подобная тема в «Родине Вергилия» М.Кузмина:

*Голубок рокоты унылые,
Жужжанье запоздалых пчельников,
И проплывает тень Вергилия,
Как белый облак вдалеке¹⁰.*

И здесь же появляется та связь, которая делает это *четвертым этапом*. История, уже независимо от природы связывает Вергилия с Данте:

*Лети, лети! Другим водителем
Бедется, набожные странники...¹¹ **

Или у Тютчева, когда поэту отвечает Олегов щит из прошлого Византии через магометанскую современность:

1

*«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой – Магомет!..»*

2

*«О, наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»*

*Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит¹².*

История уже не просто сосуществует с природой, когда случайное касание природы пробуждает у поэта определенные исторические ассоциации, но у нее своя параллельная жизнь, свои переключки, как бы не замыкающиеся на медиума-поэта. Три системы координат со своими пространственно-временными параметрами: вечная и бесконечная природа, символизирующая абсолютные время и пространство; историческое пространство и время, определяемые деятельностью человека; пространство и время, задаваемые поэтом. Эти три системы соотношены неявным образом (если они не оказываются предметом специального внимания) в рамках неопределенного свободного мысленного пространства и времени, которое творец превращает в определенное. Пример принципиального различия исторического и природного времени дает, например, Е.А.Баратынский, который в стихотворении «Последняя смерть» описывает историю человечества как расцвет и окончательный упадок, после чего:

*...И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животоворя природу,
На небосклон светило дня взошло;*

¹⁰ Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С.256.

¹¹ Там же.

¹² Тютчев Ф.И. Лирика. М., 1965. Т.2. С.76.

*Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло:
Один туман над ней, синевя, вился
И жертвою очистительной дымился*¹³.

Хороший пример одновременного сознания природы, истории и личностного пространства поэта можно найти у Я.Полонского. Это можно обозначить как *пятый этап*. Так, в стихотворении «Ночь в Сорренто»:

...
*Объятый трепетом и жаром,
Я чувствую, что здесь недаром
Италия горит в крови.
Луна сияет – море дремлет –
Ум колобродит – сердце внемлет –
Тень Тасса плачет о любви*¹⁴.

Здесь представлена и природа – луна и море, здесь живет параллельно природе история Италии, и она, история в образах своих великих сынов – в данном случае Тасса – проникает в личный мир поэта и общается с ним. И то, что личный мир поэта включает в себя и мир природы, и мир истории, может осознаться с полной ясностью. Возьмем стихотворение Баратынского «Финляндия». Поэт говорит о вечной природе, которой он соразмерен – так, обращаясь к финским гранитам, он утверждает, что «Подобно им, да будет он Во все години неизменным»¹⁵. В то же время для всех, кто обитает среди этих гранитов, существует один закон – закон обетованного забвенья¹⁶. Это история. Она проходит, даже боги умирают. Но сам поэт вечен, потому что он над природой и над историей:

*Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!*¹⁷

Теперь о поэте. Он может выступать, как минимум, в двух качествах: 1) от имени Творца, и тогда он мыслит и чувствует себя пророком и воспринимается другими в качестве пророка; либо 2) поэт мыслит себя в качестве творца, и тогда он замечает последнего собой. Первый случай является более очевидным, здесь можно вспомнить, скажем, пушкинского пророка, которому даруется божественная возможность понимания мира и способность это понимание выразить в словах. Эта же идея в замечательном стихотворении А.К.Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...» В этом случае причастность вечности определяется причастностью к мыслимому абсолютным началу. Это начало сознается существующим самим по себе и одновременно проникающим все временное, в том числе и создающего. Парадокс состоит здесь в том, что поэт мыслит себя причастным вечности благодаря образу абсолютного начала, а абсолютное начало воспринимается таковым лишь через соотношение с временным.

¹³ Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С.199.

¹⁴ Полонский Я.П. Лирика. Проза. М.: Правда, 1984. С.116.

¹⁵ Баратынский Е.А. ... С.56.

¹⁶ Эта тема проводится Баратынским весьма последовательно. Можно вспомнить строки «За что утратил ты величье прежних дней? За что, державный Рим, тебя забыли боги?» (Там же. С.89) и т.д.

¹⁷ Там же. С.57.

Менее очевиден, но не менее интересен второй случай. Возьмем стихотворение того же Я.Полонского «К демону»:

*Пускай разрушен прежний храм.
О чем жалеть, когда построен
Другой – не на холме гробов,
Не из разбросанных обломков
Той ветхой храмины отцов,
Где стало тесно для потомков.
И как велик мой новый храм –
Нерукотворен купол вечный,
Где ночью путь проходит млечный,
Где ходит солнце по часам,
Где все живет, горит и дышит,
Где раздается вечный хор,*

...

Который слышит Пифагор.

...

*Все Гении земного мира
И все, кому послушна лира,
Мой храм наполнили толпой;
Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голос вековой¹⁸.*

Здесь сознание того, что культура первична по отношению к природе и, соответственно, вечность дана человеку в истории, а не в природе, выражено с полной ясностью, и можно говорить еще об одном аспекте осознания их взаимоотношений. Но это не новый этап, а новый поворот уже достигнутого. Пятый этап открывает полную свободу, и последующее рефлексивное движение уже идет за счет забвения предшествующих этапов¹⁹.

История пропитывает природу, и та становится вечной и в таких строках Кузмина:

*Меж сосен сонная Равенна,
О, черный, золоченый сон!
Ты и блаженна, и нетленна,
Как византийский небосклон.
С вечерних гор далекий звон
Благовестит: «Благословенна»²⁰.*

То же у О.Мандельштама:

*Природа – тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши²¹.*

...

Но природе не полностью чуждо забвение. Она переживает осень и зиму и возрождается весной. Поэтому история напрямую противопоставляется природе

¹⁸ Полонский Я.П. ... С.37–38.

¹⁹ См. Донских О.А. Играем Еврипида // История и теория культуры в вузовском образовании. Вып. 3. Новосибирск, НГУ, 2006.

²⁰ Кузмин М. ... С.225.

²¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений. М., 1991. Т.1. С.40.

умирающей и воскресающей, чтобы соединиться с природой вечной, символизируемой небесной жизнью звезд:

*Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники трафа,
Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем
И яслей вы не увидали.*

*Для вас потомства нет – увь! –
Бесполоя владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои поваленные гробы,
И на пороге тишины,
Среди беспамьятства природы,
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы²².*

Творец-поэт на последних двух этапах обретает полную свободу, к чему это движение по уровням рефлексии и шло как к своему пределу. Далее уже все возможности открыты.

Собственно говоря, в данном исследовании мне не важно, что примеры взяты из разных поэтов, потому что речь идет не об анализе поэтической вселенной одного из авторов, но о принципиальных возможностях поэтической речи, в которой открываются совершенно новые измерения реальности. В то же время интересно посмотреть, как взаимодействуют природа и история у одного из наиболее заумных поэтов – у Вильяма Блейка. Можно предположить, что его свободная игра с пространством и временем представит большинство из тех аспектов взаимоотношений природы, истории (культуры) и его личного мира, которые были описаны ранее.

В «Прологе к Королю Джону» Блейк представляет природу наполненной историей: «Справедливость подняла меч, чтобы погрузить его в грудь Альбиона; потому что грехи Альбиона окрашены багровым, и красный бич следует за его оставленными сыновьями»²³. Эти строки проникнуты острым чувством исторической последовательности поколений, живущих на этой земле.

Причем, природа наполнена не просто историей, а священной историей, которая образует особый слой реальности. Так, в «Ночи» из «Песен невинности» представлен тот вечный божественный уровень, который сформировался еще в райские дни человечества: природу нежно опекают ангелы, все обнято чистой любовью, все несчастья убраны из «нашего вечного дня»²⁴. Понятно, что этот вечный день существует всегда, и хотя он может быть скрыт от обычного взора, он так или иначе воздействует на видимую реальность. Ничто бывшее на земле не исчезает. Поэт – тот, кто воскрешает прошлое, «облако и образ опускаются на ликующую Францию»²⁵.

²² *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений. М., 1991. Т.2. С.458.

²³ «Justice hath heaved a sword to plunge in Albion's breast; for Albion sins are crimson dyed, and the red scourge follows her desolate sons!» In: *Poetry and Prose of William Blake.* Ed. by Geoffrey Keynes. London, 1948. P.40.

²⁴ «...From our immortal day» P.61.

²⁵ «... The cloud and vision descends over cheerful France». (P.166).

В поэме «Французская революция» Блейк пишет: «... Древний рассвет зовет нас пробудиться от пяти тысячелетнего сна. Я просыпаюсь, но моя душа еще спит; из своего окна я вижу старые горы Франции, которые, как старцы, увядают»²⁶. И там же:

*Третье сословие собирается во Дворце Нации. Франция
Сотрясается! И небо Франции
Ошеломленно трясется рядом с каждым хладнокровным лицом. Тьма
старого времени, окружающая их,
выражая громкое отчаяние, погружает Париж в тень; его серые башни стонут, и
Бастилия содрогается*²⁷.

Весь порядок вещей связан с вечностью. Это объясняет во «Французской революции» герцог Бургундский:

*До тех пор, пока власть и господство взяты в аренду у столба, меч и
скипетр у солнца и луны,
Закон и евангелие у огня и воздуха, а вечный разум и знание
У бездны и твердыни, и человек кладет свою увядшую голову на скалу
вечности, где остаются на прокорм вечные лев и орел...*²⁸

История – это манифестация вечных сил и скрытых смыслов, потому что «орлы небес должны иметь свою добычу»²⁹. Они парят над историей пяти тысяч лет, которые начинают проявлять себя в революционном действии, и ждут своего часа. Ведь нервы пяти тысяч лет поколений предков дрожат, потрясая небо Франции³⁰.

Природа и история слиты в одном действии: дышащую войной армию «теснит огненное облако Вольтера и громовые скалы Руссо, они обрушиваются пеной на горную грядку армии, издавая слабый хилый крик»³¹. Прошлое и настоящее слиты в одно, и прошлое никак не менее реально, чем настоящее.

И поэт стоит над всем этим и как часть действия, и как свидетель, и как творец того, что он видит перед собой. Благодаря ему мир природы и истории обретает единство во времени и в пространстве.

²⁶ «...The ancient dawn calls us To awake from slumbers of five thousand years. I awake, but my soul is in dreams; From my window I see the old mountains of France, like aged men fading away.» P.166.

²⁷ «For the Commons convene in the Hall of the Nation. France shakes! And the heavens of France Perplexed vibrate round each careful countenance! Darkness of old times around them Utters loud despair, shadowing Paris; her grey towers groan, and The Bastille trembles». Там же.

²⁸ «Till the power and dominion is rent from the pole, sword and scepter from sun and moon, The law and gospel from fire and air, and eternal reason and science From the deep and the solid, and man lay his faded head down on the rock of eternity, where the eternal lion and eagle remain to devour ...» P.170.

²⁹ Там же.

³⁰ P.169.

³¹ P.179.